

НАССО УИЛЬЯМ СИНИОР (1790-1864)

Nassau William Senior

"Никто не отрицает права государства на вмешательство в том случае, когда один человек наносит ущерб другому, – пишет известный английский экономист Сениор¹ (Nassau Senior), – но если гражданин причиняет вред лишь самому себе, то вмешательство государства в этом случае означает, что законодатели лучше разбираются в личных делах гражданина, чем он сам ... Сделать богатых бедными гораздо легче, чем сделать бедных богатыми ... Вообще, в делах человеческих причинить вред бывает гораздо легче, чем принести пользу".

Сын священника, Сениор получил хорошее образование (Итон, Оксфорд). Преуспевающий юрист (1819), он живо интересовался политэкономией и социальными вопросами, дружил с Алексисом де Токвилем (Alexis de Tocqueville). Его первая публикация появилась в *Quarterly Review* в 1821 году. Став профессором политической экономики в Оксфорде, Сениор, наряду с преподаванием, консультировал английское правительство по вопросам экономической и социальной политики. К этому времени относится его работа "О государственной собственности" (*On national property, and on the prospects of the present administration and of their successors*, 1835).² В 1849-1850 годах он был юридическим советником всемирно известной шведской певицы Дженни Линд. Его не раз назначали членом различных парламентских комиссий. В 1859 году он был членом Комиссии по народному образованию – см. его доклад "Предложения по улучшению образования" (*Suggestions on Popular Education*, 1861).³ Сениор интересовался также художественной литературой и в 1864 году опубликовал свои "Литературные очерки"

¹ Или, на испанский манер, Сениор

² Английский текст:

<https://catalog.hathitrust.org/Record/001325583?type%5B%5D=all&lookfor%5B%5D=nassau%20senior%20ireland&ft=>

³ Английский текст: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015069254863&view=1up&seq=7>

(*Essays on Fiction*), включающие статьи о писателях (Вальтер Скотт, Уильям Теккерей, Булвер-Литтон и др.)⁴

"Исторические и философские очерки" (*Historical and Philosophical Essays*) Сениора были изданы в 1865 году, уже после его смерти.

Английский текст:

<https://catalog.hathitrust.org/Record/001305543?type%5B%5D=all&lookfor%5B%5D=Historical%20and%20Philosophical%20Essays%20senior&ft=>

Из книги "Исторические и философские очерки"

Франция, Америка и Британия

France, America, and Britain. *Edinburgh Review*, 1842

Сегодня почти в каждой цивилизованной стране миллионы людей вмешиваются в политику, влияют на политику или даже направляют эту политику. Исключение составляют только Россия и Австрия, в которых правительство – всё, а народ – ничто. Конечно, и в таких странах, как Великобритания, Франция и США, личность политика может оказывать заметное влияние на состояние общественных дел, но в этих странах она не имеет решающего значения. Если в прошлом народная политика (*public conduct*) во многом определялась личностью министра иностранных дел, то сегодня министр иностранных дел во многом зависит от народной политики.

Я использую термин "народная политика" (*public conduct*) потому что он позволяет мне уподобить политику государства действиям частного лица. В целях удобства описания я также отождествляю политику нации с политикой её правительства. Вполне возможно, что большинство французов не одобряли вторжения Наполеона в Испанию, но таково было решение правительства, и если уподобить нацию частному лицу, то приходится считать действия правительства, совершенные от имени страны, действиями этой страны.

Для того, чтобы оценить перспективы будущего развития (*prospects*) цивилизованных наций и определить приоритеты нашей политики, важно выяснить, какими особенностями этих трёх наций определяется их международная политика. Необходимо также выяснить, какими средствами можно достичь мира и избежать возможности большой войны между ними.

Обстоятельства политического развития Франции были во многих отношениях неблагоприятными для её общественной нравственности. До Революции народ не имел совершенно никакого влияния на политику страны. Но после Революции безграничная

⁴ Английский текст:

https://books.google.com/books?id=IXQ4AAAAMAAJ&printsec=frontcover&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=true

власть короля была заменена безграничной властью толпы, которая послушно передала эту власть беспринципному завоевателю. Наполеону удалось совратить народ, уступая двум самым сильным страстям плохо образованных политиков: их тщеславию и их амбициям. Одним – он предлагал военную славу, другим – новые территории. Естественно, что в жертву этим обещаниям должны были быть принесены все законы и все международные соглашения. Нравственность и справедливость были принесены в жертву амбициям.

Думаю, что эти понятия – нравственность и справедливость – применительно к политике (и особенно – к международной политике) не следует даже упоминать...

К сожалению, Наполеон вполне оправданно хвастался тем, что его политику одобряют и поддерживают миллионы людей, потому что миллионы людей, в их упоении тщеславием и амбициями, действительно поддерживали его политику.

Гордость – главная национальная черта французов. Лучшие умы Франции с самых высоких трибун не раз провозглашали, что гордость, основанная на великих военных победах в течение двухсот лет, – это то, что объединяет всех французов и обеспечивает единство государства. Но Франция гордится не только своей мощью и влиянием, но и своей культурой (civilization). Культура у неё, действительно, богатая, если иметь в виду литературу и искусство. Но по таким показателям, как благосостояние обычных людей, образование и практические умения (arts of life) – то есть то, что составляет основное содержание жизни широких народных масс, – Голландия, Бельгия, Швейцария и Англия превосходят Францию... Как и в России, которая пытается выкарабкаться из варварства, французское правительство похоже, больше заботится о том, какое мнение составят себе о нём соседние государства, нежели о мнении собственного народа.

Непомерные амбиции – другая отличительная черта французов. Они стремятся не к благополучию (happiness), а к власти. Во Франции ещё живы средневековые представления о том, что сила государства зависит не от того, насколько развиты в нём коммерция, промышленность и сельское хозяйство, а от способности завоевать территорию соседних государств. На мирные договоры французы смотрят только как на временное перемирие, которое можно легко нарушить, когда для этого представится возможность... В других цивилизованных странах сохранение мира является одним из важнейших устремлений правительства. Но только не во Франции! Франция не боится войн и связанных с ними потерь и лишений. Она стремится к расширению своих территорий до их "естественных пределов". Однако смелость там, где она необходима, удивительным образом сочетается у французов со страхом там, где для страха нет оснований. Франция нередко подвергается реальной опасности, пытаясь избежать опасности мнимой. Хотя в последние пятьдесят лет европейские нации стремятся, насколько это возможно, к сохранению мира между ними и ни одна европейская столица не была занята неприятелем, французы панически боятся вторжения на их территорию со стороны Пруссии или Австрии. Нам кажется, что Франция здесь приписывает другим странам свои собственные устремления...

Заметим, что всё это написано за пять лет до позорного поражения Франции в войне с Пруссией – в войне, которую Франция сама же и начала...

Французы как люди могут быть благородны и сострадательны. Но эти их качества улечувиваются, когда Франция выступает как единое целое.

*

Обратимся теперь к США. Гордость, присущая французам, вовсе не чужда и американцам. Америка, однако, гордится не своими завоеваниями, а своими демократическими учреждениями, своим благосостоянием, своим образованным населением, своим быстрым техническим прогрессом и своими величественными планами на будущее (vast prospects). В отличие от французов, американцы трезво оценивают своё превосходство там, где оно есть. Мы можем указывать на недостатки их политической системы, мы можем осуждать их за хвастовство, мы можем поставить им в укор три миллиона чёрных невольников и пр. Но о достоинстве нации в целом нельзя судить по её отдельным недостаткам.

Англичан восхищают американская смелость, энергия, предприимчивость и прочие качества, которые они находят и в себе. Ни с одной другой страной в мире англичане не хотели бы в большей степени сохранить мирные и взаимовыгодные отношения. Если бы американцы научились ценить английскую честность и умеренность, то их стране удалось бы избежать осложнений при решении спорных вопросов, как в отношениях между нашими двумя странами, так и в отношениях с другими государствами.

Здесь англичанин явно претендует на роль "человека на заднем сиденье", который говорит кучеру, куда ехать...

Амбиции американцев не связаны с вооружённым захватом соседних территорий. Иначе они уже управляют бы всей Южной Америкой или всем Западным полушарием.

Хотя американцы обидчивы, они не злопамятны, и не станут мстить вам за обиду пятидесятилетней давности.

*

Ну и, наконец, Англия. Англичан всегда считали гордецами. И было бы странно, если бы они не гордились своей страной, принимая во внимание все её успехи. Впрочем, в области культуры её успехи обычно преувеличивают. В архитектуре, живописи, скульптуре – во всех изящных искусствах она отстаёт от многих континентальных народов.

Видимо, литература не включается в число искусств, потому что в этой области англичане могут потягаться и с Россией, и с Францией...

Когда, на основе беспристрастного размышления, человек приходит к стойким убеждениям, он обычно снисходительно относится к тем, кто думает иначе, потому что их убеждения не в состоянии поколебать его убеждений.

Англичане трезво оценивают свои достоинства и недостатки – более трезво, чем французы и американцы.

Чем выше мы ставим себя, тем ниже мы ставим других, а потому даже похвала не всегда приятна, особенно – если она исходит от того, кто много ниже нас. Но Англия, будучи самой могущественной державой в мире, может себе позволить не обращать внимания ни на похвалы, ни на упрёки других народов. Её нет необходимости тратить впустую миллионы фунтов только затем, чтобы показать Европе, что у неё эти миллионы есть.

Англичане редко интересуются международными делами. Всё, чего они требуют от своих министров, – это способности обеспечить мир в отношениях с другими цивилизованными странами. Недостатком такого положения вещей является то, что международная политика Англии больше зависит от личности того, кто возглавляет министерство иностранных дел (Foreign Office), – по сравнению с министерством внутренних дел (Home Office), например, делами которого англичане интересуются в большей степени и деятельность которого они больше степени контролируют..

Обычный человек, даже если он уверен в своей правоте, в действительно серьёзных делах предпочитает посоветоваться с друзьями. Спесивец считает себя не только правым, но и беспристрастным судьёй в любом деле. И чем больше он в этом уверен, тем больше он в этом ошибается. Аналогичным образом, та нация, которая совершенно не принимает в расчёт мнение других наций, обращает свою гордость в спесь, а свою спесь – в несправедливость.

Англичане уверены, что рост благосостояния населения лучше всего обеспечивается либеральными учреждениями в условиях мира и спокойствия, и потому Англия стремится распространить эти условия по всему миру. Распространение свободы и сохранение мира – таковы основные цели английской внешней политики. Даже в случаях, когда Англия преследует свою выгоду, результаты этих действий могут оказаться благом для всего мира.

Англия не ищет военной славы. Любая, даже самая победоносная, война увеличивает размеры государственного долга и вызывает сокращение деловой активности и понижение уровня жизни её граждан. А неудачная война может и вовсе привести к финансовому банкротству и даже к революции.

Военное могущество Франции или России опирается на их армии, заключённые в их границах. Они могут представлять угрозу только или прежде всего для своих соседей. Военное могущество Англии опирается на силу её военного флота и распространяется на все страны мира, расположенные вдоль морского побережья. Разумеется, такое могущество вызывает опасения у многих стран, которые были бы очень рады видеть, как это могущество уменьшается, и которые с готовностью присоединились бы к любому военному союзу, направленному против Англии. Вот почему Англия стремится всеми силами избежать большой войны, вот почему её так трудно вовлечь в такую войну. Но не менее трудно для Англии было бы и выйти из такой войны до тех пор, пока она не достигнет определённых военных успехов. Как показывает опыт войн с Наполеоном, временные неудачи не сломят её боевого духа, и она продолжит сражаться даже в условиях, когда её союзники, один за другим, покидают её. Но и побеждая, Англия

сохраняет благородство по отношению к достойному противнику, не унижая и не уничтожая его целиком и полностью.

Считается, что Англия, озабоченная прежде всего своими внутренними проблемами, не обращает должного внимания на успехи или неудачи своих соседей. Это не так. Если бы Англия заняла в этом отношении безразличную позицию США, то в её военной истории не было бы многих славных страниц.

Во время войны любая страна считает себя вправе задерживать и конфисковывать корабли противника – включая безоружные торговые суда. Англия не является исключением из этого не вполне справедливого правила, которое, впрочем, не ею придумано. Её поведение во время войны на суше отличается большей справедливостью. Английская армия не мародёрствует и не прибегает для своего снабжения к массовым реквизициям среди местного населения.

Тут можно упомянуть политику Наполеона, который часто не закладывал в свои финансовые расчёты никаких средств для снабжения своих армий провиантом, полагая, что армия сама себя прокормит за счёт ограбления мирного населения.

К этой первой статье (1842), в которой автор пишет об Англии, Франции и США, добавлено приложение, написанное двадцать лет спустя (1862). Много, очень многое изменилось в Европе за прошедшие двадцать лет... Революционные события 1848 года, грандиозная Всемирная промышленная выставка в Лондоне (1851), Крымская война (1854-1856) отмена крепостного права (1861) и начало реформ в России, Гражданская война в США (1861-1865)...

Если мы примем во внимание, насколько жизнь нации продолжительнее, чем жизнь отдельного человека, насколько меньшую роль играют случайности в жизни нации, чем в жизни отдельного человека, насколько быстрее (по сравнению с нацией) в жизни отдельного человека приходит расплата за преступления и ошибки, то можно предположить, что нации учатся на своём опыте не в меньшей степени, чем отдельные люди. К сожалению, отдельные люди в этом отношении умнее целых наций... Пятьдесят лет войн и революций, похоже, ничему не научили Францию...

Отдельно взятый человек сохраняет, в основном, свою индивидуальность – и в двадцать лет, и в шестьдесят. Но нация в целом постоянно меняется: в среднем – каждые тридцать лет. Вступают в жизнь новые поколения, которые знают об успехах и неудачах своих отцов и дедов только по рассказам... В 1872 году, наверное, почти никого не останется в живых из тех, кто определял и направлял английскую политику в 1842 году...

Как много изменилось в мире за прошедшие двадцать лет! Особенно – в Америке. В 1842 году площадь территории США составляла 1 миллион 300 тысяч квадратных миль. Сегодня (1862) – 3 миллиона 300 тысяч квадратных миль. Население выросло с 17 миллионов (1842) до 31 миллиона (1862)... Слишком резкий рост богатства и могущества одинаково плох и для отдельно взятого человека, и для нации. Я полагаю, что рабство, высокий уровень иммиграции, всеобщее право голоса на выборах и слишком резкое повышение благосостояния станут причиной того, что США в будущем столкнутся с огромными проблемами в экономическом и социальном развитии.

В последующие 100 лет США станут самой богатой и могущественной страной в мире. Не думаю, что под "будущим" автор имел в виду начало XXI века...

Развитие человека зависит от наследственности и социальных условий. Если и в том, и в другом ему повезло – он процветает. Если нет – бедствует. Если ему повезло только в чём-то одном, у него бывает сложная судьба, исполненная как взлётов, так и падений. Всё это можно отнести и к судьбе наций.

Целиком и полностью становясь на сторону северян в Гражданской войне в США, автор, впрочем, осуждает их за "революционный деспотизм", который проявляется, например, в том, что людей, заподозренных в симпатиях к южанам (даже иностранцев!) заключают в тюрьму, оставляя их, в условиях войны, без справедливого суда.

Я готов согласиться, что внешняя политика Англии продиктована, прежде всего, её собственными интересами. Но я не думаю, что Англия в этом отношении отличается от других государств.

На фоне Франции, которая открыто противодействует объединению Италии и грозит Германии войной, если многочисленные германские государства решат объединиться в одно государство, Англия должна вызывать симпатию. Однако, автор с грустью замечает, что при всём огромном положительном влиянии, которое Англия оказывает на европейскую политику, многие европейские народы относятся к ней, в целом, отрицательно.

Увы! Это частая судьба лидера, которого боятся, но не уважают, или уважают, но не любят...

Автор пытается доказать, что Франция готовится к войне с Англией, и не замечает усиления Германии, которая в скором времени бросит вызов и Англии, и Франции... "Пруссия кажется сильной только на фоне её слабых соседей", – заявляет он в другом своём очерке. В 1843 году это заблуждение, возможно, было оправданным. Но в 1865 году, за пять лет до Франко-Прусской войны (1870), в этот вопрос надо было уже внести значительные коррективы...

Иностранные правители не могут рассчитывать на помощь Англии в их борьбе со своими повстанцами. Но и революционеры не вправе ожидать от Англии помощи в их борьбе "против тирании", какой бы жестокой эта тирания ни была.

**

Военная, политическая и дипломатическая история меня очень мало интересует. Хотя познакомиться с размышлениями умного человека по всем этим вопросам было, всё равно, интересно. Тем более, что автор пытается уподобить жизнь страны жизни отдельно взятого человека... Впрочем, этот обширный очерк, написанный "на злобу дня", к настоящему времени во многом устарел, и обычному современному читателю (не историку) он покажется очень скучным.

Международное право

Law of Nations. *Edinburg Review*, 1843

Всеобщее желание народов, которые хотели бы, чтобы международная жизнь управлялась (или, хотя бы, направлялась) определёнными законами, породило обширную литературу по международному праву.

Нарушение Божественного закона – это грех. Нарушение государственного закона – это преступление. Нарушение принятых в обществе правил поведения – это прегрешение против общественного мнения.

В широком смысле, слово "закон" применяется даже к явлениям природы: мы говорим о законах электричества, о законах гравитации и т. д. Но даже в этом своём употреблении слово "закон" несёт в себе что-то, напоминающее слово "приказ" (command).

В отличие от прочих законов, законы общественного мнения изменчивы и не имеют формального закрепления ни в каком кодексе. Однако нарушение их немедленно ставит человека в неловкое положение. Сто лет тому назад над вами стали бы смеяться, если бы вы появились на балу без напудренного парика и расшитого узорами кафтана. Сегодня над вами будут смеяться, если вы появитесь на балу именно в таком виде. То, что сто лет тому назад было требованием, сегодня стало запретом...

В строгом юридическом смысле, в отношениях между современными (1843) политически независимыми государствами нет никаких законов, которым все они обязаны подчиняться. Однако в международных отношениях существуют своего рода законы общественного мнения, которым (хотя они и не имеют обязательной юридической силы) все цивилизованные нации стремятся в той или иной мере следовать.

Нравственное поведение в международных отношениях (international morality) часто уподобляют нравственному поведению отдельно взятого человека. Но здесь есть и существенное различие: нормы нравственного поведения человека предписывают ему, что он должен делать; соответствующие нормы международного права – это рекомендации, касающиеся того, что независимые государства в своих отношениях не должны делать.

В отношениях между обычными людьми договор, подписанный под угрозой физической расправы не имеет юридической силы. В отношениях между государствами соглашения нередко подписываются именно в таких условиях. Все европейские дипломаты были возмущены заявлением Франции о том, что решения Венского конгресса (1815) не имеют для Франции обязательной силы, потому что Франция подписала их в условиях, когда её армия была разбита и уничтожена.

В странах, где существует свободная пресса, национальное тщеславие и национальное негодование часто поддерживается и подогревается журналистами. Однако сегодня (1842) война – намного более дорогостоящее и опасное предприятие, чем это было сто или двести лет тому назад, поэтому цивилизованные нации стремятся к сохранению мира.

Война, которая ведётся с целью ослабить набирающего силу противника, теперь уже редкость. Даже если эта цель и преследуется, то, как правило, она является второстепенной целью, а не основной причиной войны.

Одно из самых опасных нововведений, которое может касаться международного права, – это всеобщее избирательное право. Это самое ужасное порождение демократии. Грубые, необразованные люди будут иметь возможность решать голосованием, останется ли их страна независимой или она войдёт в состав другого государства... Достаточно упомянуть, к каким последствиям это привело в Южной Америке... Что произойдёт, если какая-то часть Ирландии, например, большинством голосов решит отделиться от Британии? Сможем ли мы это допустить? Продажа, покупка и взаимообмен подданными, как будто они не люди, а овечьи стада, – эта шокирующая и безнравственная практика была характерна для Венского Конгресса (1815). Но всё это не так страшно по сравнению с "правом" любого региона провозглашать свою независимость или присоединиться к другому государству под влиянием (тайного или явного) иностранного вмешательства... Если отдать решение этих важнейших вопросов необразованной массе, которая (из религиозных, социальных или политических соображений) будет постоянно колебаться между разными государствами и их союзами, то как можно будет установить в Европе хоть какой-то международный порядок?

Война всегда бесчеловечна (War is always unhuman). Война на море – не исключение. Но уничтожение портов и гаваней затрагивает интересы не только воюющих сторон, но и интересы всего человечества. Удобные бухты и гавани принадлежат всему человечеству. Это редкие дары природы, которые все мы обязаны сохранять. Во время войны можно оправдать блокаду тех или иных портов и гаваней, но уничтожение их должно быть решительно запрещено и наказуемо.

**

Политическая философия Генри Брума

Political philosophy by Henry Lord Brougham
Edinburg Review, 1845

Книга лорда Брума⁵ восполняет существенный пробел в нашей политической литературе.

Влияние различных форм правления на человеческие дела может быть рассмотрено с теоретической, практической и с исторической точки зрения.

Исторический подход к изучению этого предмета предполагает исследование вопросов о происхождении, развитии и дальнейшей судьбе реально существовавших в истории политических систем (constitutions).

Теоретический подход к изучению этого предмета предполагает исследование вопросов о различных возможностях в распределении и организации верховной власти, о плюсах и минусах каждой политической системы.

⁵ Брум, Генри (Henry Brougham, 1778-1868). "Политическая философия" (*Political Philosophy*, 1842)

Наконец, результатом изучения этого предмета с практической точки зрения могут быть практические рекомендации носителям законодательной и исполнительной власти, анализ последствий тех или иных политических шагов и предложения по изменению существующей политической системы (constitution), имея в виду свободу, благосостояние, спокойствие и безопасность (intelligence) граждан. Практическая политика – это уже скорее искусство, чем наука.

Лорд Брум объединяет в своей книге все три подхода.

В любом государстве существует власть, которая, фактически, не подконтрольна никакому закону, которая сама устанавливает законы.

Если в одной стране народные представители избираются на пожизненный срок, в другой – на 20 лет, в третьей – на 5 лет, а в четвёртой – на 6 месяцев, то можно ли сказать, что демократическая форма правления во всех этих странах одинакова? Понятно, что в первом случае верховная власть будет ближе к монархической...

Наверное, ни в одной стране нет монархического, аристократического или демократического правления в "чистом" виде.

Чаще всего в наиболее "чистом" виде встречается монархия, реже – аристократическое правление, и исключительно редко встречается в чистом виде демократия.

В странах, где нет наследственной аристократии, её роль выполняют приближённые к власти влиятельные богачи (олигархи). В странах, где богачей нет или они не представляют собой заметную политическую силу, на роль аристократии претендуют высшие чиновники...

В цивилизованных странах нет монархии, аристократии или демократии в чистом виде. Их политические системы включают в себя элементы всех этих форм правления, и часто трудно бывает определить, какие из этих элементов выходят у них на первый план.

Ничто не остаётся неизменным. Монархия может на каком-то этапе смириться с существованием демократически установленных учреждений (как в Англии), демократия часто развивается в сторону аристократического правления (как в США), а высшее чиновничество при автократии, как правило, стремится сделать свою власть наследственной (как в СССР). Наконец, история знает и случаи, когда демократически избранный президент прямо объявляет себя пожизненным императором...

Обычно эти элементы связаны с числом людей, которые могут влиять на принятие управленческих решений: при чистой монархии – это один человек, в аристократическом государстве осуществляется власть немногих "лучших" людей, а в демократическом обществе существует, как это часто считается "власть народа", которая на деле принадлежит, конечно, не всему "народу", но относительно многочисленным народным представителям.

Заметим, что в XIX веке люди и представить себе не могли, что настанет время, когда избирательное право станет всеобщим. Даже через двадцать лет после написания этой статьи (1845) только 20% взрослых мужчин имели в Англии право голоса на выборах в Парламент. Из 34 миллионов французов избирательное право имели только 200 тысяч человек!

Монархи, которые управляют варварскими народами, в большей степени склонны к войне, это факт. Но значит ли это, что *любая* монархия более воинственна, чем демократия, например? Можно ли утверждать, что степень личной свободы в стране как-то влияет на воинственность её народа?

Народ не внимлет доводам разума (a nation does not listen to reason). Его не заставишь рассматривать доводы противоположной стороны. Большинство людей читают только свои газеты, верят только своим лидерам и думают, что они во всех случаях правы.

В свободном государстве обязательно существует партия, которая желает поражения собственному правительству. В особенности это касается международной политики – предмета, в котором широкие массы ничего не понимают и полагаются больше на свои чувства, чем на доводы рассудка. Если министр иностранных дел смел, оппозиция обвиняет его в неразумных (extravagant) требованиях. Если он осторожен, оппозиция обвиняет его в том, что он унижает свою страну, делая уступки иностранным государствам.

Наконец, в любом свободном государстве существует политическая сила, которая почти всегда выступает против спокойствия и мира – как внутреннего, так и внешнего. Эта сила – пресса. Газетчики живы ежедневными новостями (events). И освещая эти новости, газетчики обычно выступают на стороне страстей и предрассудков широких народных масс.

Мы уже отмечали, что настоящая (pure) демократия невозможна в стране, превышающей по своим размерам территорию английского церковного прихода. Исключение составляет самое демократическое современное государство – Соединённые Штаты Америки. Но это особый случай. Во-первых – потому, что ни одна соседняя страна не представляет для них непосредственной военной угрозы. А во-вторых – потому, что страна эта, по историческим меркам, очень молода, и делать в её отношении какие-либо выводы ещё рано...

В середине XIX века никому и в голову не могло прийти, что всего через 100-150 лет будет создано оружие, которое сведёт на нет все выгоды географического положения США. А что касается демократии, то, с исчезновением среднего класса, она тоже стремительно исчезает... Наконец, Синиор прав в том, что в любом крупном демократическом государстве со временем неизбежно появляется и набирает силу аристократия – политическая, экономическая, научно-техническая, военная – и эта аристократия всегда стремится стать наследственной...

Рассуждая о государствах, по преимуществу демократических или аристократических, Синиор замечает, что государственные расходы в таких государствах намного превышают расходы самой экстравагантной монархии. Расходы Прусского или Австрийского двора – это ничто, по сравнению с аналогичными расходами в Англии или во Франции. Налоги, рассчитанные пропорционально населению страны, – в три раза выше в странах с элементами аристократического и демократического правления, чем в странах с абсолютной монархией.

Следует, наверное, заметить, что абсолютная монархия в реальности тоже не существует ни в одной стране. Даже самый могущественный монарх в своих решениях вынужден считаться с мнением аристократии и военной верхушки, не говоря уже о финансистах и промышленниках. Любое решение монарха требует денег, материальных средств и надёжных людей, которые будут выполнять это решение. И это делает монарха зависимым от его окружения...

Синиор также замечает, что размеры постоянной армии не зависят от политического устройства страны. Численность армии, рассчитанная пропорционально количеству населения (1845), оказывается наивысшей в демократической Голландии (!) и наименьшей в императорском Китае (!)

Очень интересное наблюдение. Надо будет посчитать и посмотреть, какова ситуация сегодня. Правда, сегодня число солдат уже не имеет решающего значения. Главное – это современное вооружение и расходы на военные нужды. Однако с политическим устройством, я думаю, это связано мало. Самой демократической страной по-прежнему считаются США, но сопоставимой военной мощью обладают также и авторитарная Россия, и тоталитарный Китай...

Жёсткую централизацию управления часто связывают с абсолютной монархией. Однако замечено, что современная (1845) "демократическая" Франция централизована не в меньшей степени, чем Франция монархическая (1643-1715). А местное управление в монархической Испании можно считать демократическим (!) Британия развивается в сторону расширения демократии и усиления централизации одновременно. Местные органы власти в Англии настолько коррумпированы и некомпетентны, что любое их ослабление можно только приветствовать (!)

Как абсолютный монарх выбирает своих министров? Он ведь не может посоветоваться с парламентом (у него нет парламента). Он не может полагаться на мнение прессы (у него нет свободной, независимой прессы). Выход только один: делать всё самому. Во всё вникать, всё контролировать... Но ведь это практически невозможно!

Именно по этой причине в России при Николае I, наряду с официальными министерствами, создавались одно за другим "отделения" императорской канцелярии. Эта традиция пережила века. В сегодняшней России (2021) Администрация Президента подменяет собою практически все ветви власти. Все важные решения принимаются не в Парламенте, не в Правительстве, не в Верховном Суде, а в Администрации Президента – в органе управления, который как таковой Конституцией не предусмотрен... Впрочем, все российские (и советские) правители или не имели конституции, или игнорировали её, или переписывали её под свои нужды.

На наш взгляд, выборный монарх может оказаться более эффективным, с точки зрения народного благосостояния, чем наследственный. Ни один из английских монархов не обладал такой абсолютной властью, как Кромвель, ни один французский монархов не обладал такой абсолютной властью, как Наполеон. Но, строго говоря, выборная монархия не может быть абсолютной. Если монарх не может передать свою власть по наследству, то он не абсолютный монарх.

Часто говорят, что демократия – это власть большинства народа. Но большинство народа – это необразованная, нетерпимая, подозрительная и несправедливая масса людей. Можно ли в этом случае говорить о преимуществах демократии как разумного политического устройства?

К счастью или к сожалению, но "большинство народа" ничего не решает при любом общественном устройстве. Даже при демократии. Даже при всеобщем избирательном праве. Сينيор опасается, что при всеобщем избирательном праве Англия "будет управляться сельскохозяйственными рабочими в сельской местности и ремесленниками в городах". Ему и присниться не могли современные изощрённые политтехнологии, позволяющие направлять голосование в "нужное" русло... Вслед за Брумом, Сينيор признаёт несомненные достоинства английского общественного устройства, которое предполагает систему сдержек и противовесов: высшая законодательная, исполнительная и судебная власть разделена в Англии между Монархом, Палатой лордов и Палатой Общин, которые, принимая важные для всей страны решения, вынуждены работать совместно. Впрочем, Сينيор понимает, что в практике реального управления нередко преобладает мнение только двух, а иногда только одного из этих органов управления государством...

Союз и Конфедерация

Confederacy and Union. *Edinburg Review*, 1846

Автор сравнивает Конфедерацию многочисленных немецких государств и Союз, в который объединились прежде независимые американские штаты в США.

Прежняя императорская власть не могла положить конец войнам между различными немецкими землями, но она была хоть каким-то сдерживающим фактором: в те времена войн всё-таки было меньше: был, по крайней мере, хоть какой-то государственный орган, куда можно было обратиться за разрешением бесчисленных споров между многочисленными немецкими князьями... Однако, как следствие Реформации, и без того слабая императорская власть утратила в Германии всякую силу и значение. Если бы Карл V встал на сторону протестантов, то империю можно было бы спасти, но он остался верным католиком... Религиозная терпимость не была обычной практикой ни в XVI, ни в XVII веке... После столетней борьбы (1530-1648), окончившейся Вестфальским соглашением (1648), императорская власть в Германии почти полностью утратила своё влияние. Император потерял право объявлять войну, заключать мир, создавать собственную армию, строить новые крепости и даже размещать свои гарнизоны в существующих крепостях... В 1806 году империя была уничтожена Наполеоном, и 55-й потомок Карла Великого сложил с себя императорский титул. Из 350 немецких государств независимость сохранили только 38. Все остальные немецкие земли были присоединены к соседним государствам. В 1814 году 16 немецких государств объединились в Конфедерацию, в составе которой они, впрочем, почти полностью сохранили свою политическую самостоятельность... Сегодня (1845), тридцать лет спустя, можно сказать, что основная задача Конфедерации была выполнена: Германия ни разу с тех пор не подвергалась военному вторжению – впрочем, как и ни одно государство к северу от Альпийских гор... Внутренние смуты в отдельных государствах были, но внешний войн не было. Однако полностью свободного перемещения людей между различными государствами достигнуто не было, а во внешней торговле Германия полагалась на международные договоры. Не было выполнено и обещание ввести в каждом из членов Конфедерации либеральную конституцию. Проблема заключалась в том, что для изменения конфедеративных законов требовалось согласие всех членов Конфедерации – условие, практически невыполнимое...

В отличие от германской Конфедерации, Союз американских штатов с самого начала наложил определённые ограничения на властные полномочия штатов. Теоретически, отдельный штат может отделиться от Союза, но Союз сохраняет право применения военной силы, хотя и не вправе предъявлять отдельным гражданам отделившегося штата обвинения в государственной измене.

Один из трудных вопросов: если законы штата противоречат союзным законам, каким законам следует подчиняться?

Это, действительно, очень трудный вопрос. Если во всех случаях действует союзный закон, то это ставит крест на всякой самостоятельности штатов. Но если во всех случаях действует закон штата, управление государством из единого центра становится невозможным...

Впрочем, объединить американские штаты было намного легче, чем разные европейские государства, например. Почти все американцы до объединения были выходцами из Британии, почти все они были христианами-протестантами, все они говорили по-английски, почти у всех были общие предки и, что особенно важно, все они разделяли более или менее одинаковые представления об обычном праве. На Британских островах между англичанами, шотландцами и ирландцами подчас сохранялось больше культурных различий, чем между жителями американских колоний. Или, как писал Токвиль, между Бургундией и Нормандией, которые соединены мостом, гораздо больше всевозможных различий, чем между жителями штатов Мэн и Джорджия, которые разделены пятнадцатью географическими параллелями. Важно также, что это объединение совершалось не сверху, а снизу – не по воле верховной власти, а по воле простых американцев, которые были заинтересованы в устранении торговых, таможенных и финансовых барьеров между разными штатами. Поначалу, американские штаты сохраняли за собой право объявления войны и заключения мира, право вступать в сношения с зарубежными государствами, право устанавливать независимые экономические отношения и пр. Интересно, что ни одно из этих прав не было использовано... Некоторые из этих прав были потеряны штатами после подписания условий прообраза американской конституции (Articles of Confederacy).

Полномочия президента США превосходят власть монарха в Англии и во Франции. Через 25 лет (1870), когда могущество Америки удвоится, президент США будет самым могущественным человеком в мире.

Второй том "Очерков" я читать не стал. Он включает в себя специфические юридические вопросы, которые представляют мало интереса для современного читателя. Оценивая прочитанное в целом, я должен признаться в некотором разочаровании. Судя по его афоризмам, включённым в разные собрания "мудрых мыслей", автор – очень умный и остроумный человек. Однако эта мудрость и остроумие тонут в огромной массе исторических частных и юридических тонкостей. Все эти соображения могли представлять живой интерес для современников (1865), но мало интересны для современного читателя, который, в отличие от автора, знает, "чем дело кончилось"...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из доклада "Предложения по улучшению образования":

В Комиссию, назначенную Парламентом для изучения состояния народного образования, намеренно были включены люди самых различных взглядов. У Комиссии было две возможности: включить в итоговый Доклад только те вопросы, по которым у членов Комиссии не было разногласий, или включить в итоговый Доклад вопросы, по которым пришли к согласию большинство членов Комиссии. Было решено включить в Доклад все заявления, возражения, дополнения и рекомендации членов Комиссии. При таком многообразии мнений, принципов и взглядов трудно было ожидать, что большинство членов Комиссии придут к взаимному согласию по всем вопросам. Поэтому не все мнения и замечания, упомянутые в Докладе, могут рассматриваться как безусловные рекомендации членов Комиссии.

Человеку, который много лет занимается политикой, приходится смириться с тем, что его взгляды по тому или ному вопросу могут измениться, а также с тем, что предложения, которые он считал полезными и достойными немедленного внедрения в практику, не принимаются, а вместо них принимаются предложения, которые кажутся ему неудовлетворительными.

Политика – это искусство возможного...

Всякий раз, когда мне приходится возражать людям, знания и таланты которых я глубоко уважаю, меня охватывает какая-то робость и неуверенность в себе. Во многих случаях я просто молчаливо с ними соглашался. Однако некоторые вопросы народного образования имеют такую значительную важность, что я считаю невозможным скрывать наши различия во мнениях.

Из предложений, по которым должны быть приняты решения:

Цель общества состоит в том, чтобы защитить людей, его составляющих, от всякого зла и несправедливости (wrong).

Те граждане, которые не могут себя защитить, нуждаются в такой же защите, как и те, которые могут.

Дети заслуживают такой же защиты, как и взрослые.

Воспитание для детей – это такая же необходимость, как и пища.

Обязанность родителей заключается не только в том, чтобы кормить, но и в том, чтобы воспитывать своих детей.

Если у общества нет возможности принудить родителей к выполнению этих родительских обязанностей, общество должно взять воспитание таких детей на себя.

На начальное образование для детей будет выделяться не меньше 30 шиллингов в год.⁶

Эти деньги не будут взысканы с родителей.

Государство должно выделить соответствующие средства.

Расходы государства на эти цели составят два миллиона фунтов в год.

Государство, к сожалению, устранилось от всякого вмешательства в дело образования (the withdrawal of all Government interference in education). Авторы доклада считают такое вмешательство оправданным, хотя время для этого, видимо, ещё не пришло.

Основная проблема с финансированием школ заключалась в том, что налогоплательщики не желали финансировать "чужие" школы: баптисты не хотели платить за школы, в которых преподавали методисты, методисты не хотели платить за школы, в которых преподавали кальвинисты, кальвинисты не хотели платить за школы, в которых преподавали лютеране и т. д. Позднее (1870) законодатели найдут компромиссное решение (Cowper-Temple compromise). В тех районах, где финансирование школ не вызывало разногласий, церковные школы были оставлены в неприкосновенности. В тех районах, где существовали разногласия, местные органы образования (boards) строили новые школы (board schools), в которых религия вообще не преподавалась (религиозное образование должно было осуществляться в церквях во внеурочное время).

Синиор обращает внимание на тот факт, что расходы родителей на образование их детей – это не только расходы на школу, но и потеря тех денег, которые 8-9-летние дети приносят в семью (больше полутора шиллингов неделю в сельской местности и от двух до пяти шиллингов в неделю в городах). А ведь родители обязаны заботиться и о других нуждах семьи. Достойное жильё – это не меньше трёх спален в доме. Интересы здравоохранения требуют, чтобы это жильё было снабжено канализацией и отапливалось. Семья также нуждается в пище и в одежде. Образование, таким образом, не является важной обязанностью родителей. Были случаи, когда родителям было отказано в пособии по бедности, потому что их сын ходит в школу.

**

Доклад целиком не представляет интереса для современного широкого читателя, но в тексте немало интересных мыслей, касающихся народного образования и предложений, которые были учтены в Законе об образовании 1870 года.

⁶ 10 руб. 50 коп. серебром по тогдашнему вексельному курсу.